

ВСПОМНИТЬ ВСЕ

Леонид МЛЕЧИН

ЗНАМЕНИТЫЕ САМОУБИЙЦЫ

Леонид Михайлович Млечин

Знаменитые самоубийцы

Серия «Вспомнить всё»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38620730

Знаменитые самоубийцы. / Л. Млечин. – М.: АО «Издательский дом

«», . – : Аргументы недели; Москва; 2018

ISBN 978-5-6040607-0-4

Аннотация

Герои этой книги – руководители государства, видные политики и общественные деятели, крупные военные, руководители спецслужб, писатели, ученые – ушли из жизни при странных и загадочных обстоятельствах. Большинство из них покончили с собой, хотя многие уверены, что в реальности их убили или заставили совершить самоубийство. Вокруг их смерти ходит множество слухов, мифов и пересудов. Со временем удалось выяснить, что именно произошло с этими людьми. Но сомнения и подозрения не исчезают.

Содержание

От автора	4
Глава 1	6
Не везет в любви?	8
Чекисты и художники	13
Страх перед старостью?	16
«Угнетен и подавлен»	19
Игра по-крупному	22
Время острое. И позднее	26
Огонь и пепел	31
Глава 2	35
Секретное письмо	37
Маменькин сынок	46
Максим Горький возражает	53
Разговор с товарищем сталиным	56
Попойка на квартире Булгаковых	64
Доносы на друзей	70
Переписка с вождями	83
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Леонид Млечин

Знаменитые самоубийцы

От автора

Все герои этой книги – руководители государства, видные политики и общественные деятели, крупные военные, руководители специальных служб, писатели, ученые – ушли из жизни при странных и загадочных обстоятельствах.

Большинство из них покончили с собой, хотя многие уверены, что в реальности их убили или заставили совершить самоубийство. Другие ушли из жизни естественным путем, но опять-таки считается, что на самом деле они покончили с собой.

Вокруг их смерти ходит множество слухов, мифов и пересудов. Может быть, нас насторожило то, что эти самоубийства, подлинные или мнимые, происходили в моменты крутых политических перемен? Внезапный уход из жизни геро-

ев этой книги имел самые серьезные последствия для нашей страны. Они исчезали, и перед кем-то открывалась широкая столбовая дорога.

Но, скорее, все дело в том, что с самого начала от нас пытались скрыть правду. Со временем удалось выяснить, что именно произошло с этими людьми. Но сомнения и подозрения не исчезают. Опять-таки, может быть, потому, что большинство из нас уверены в том, что всей правды нам никогда не скажут.

Часто эта уверенность имеет под собой основания.

Глава 1

Маяковский. Последняя любовь, последний выстрел

И через много лет после смерти Маяковского Вероника Полонская не могла забыть то, что она увидела, вбежав в комнату, где только что застрелился влюбленный в нее поэт: «Глаза у него были открыты, он смотрел прямо на меня и все силился приподнять голову. Казалось, он хотел что-то сказать, но глаза были уже неживые».

14 апреля 1930 года актриса 1-го Московского Художественного академического театра Вероника Витольдовна Полонская, вся в слезах, давала показания следователю милиции. Она описала, как утром пришла к Владимиру Владимировичу Маяковскому.

«Было около десяти часов утра. Я не раздевалась, он разделся; я села на диван, он – на ковер, который был постлан на полу у моих ног, и просил, чтобы я с ним осталась жить хотя бы на одну-две недели. Я ответила, что это невозможно, так как я его не люблю».

Свидетелем интимного свидания был курьер Госиздата, который доставил Маяковскому два тома Советской энциклопедии:

«Женщина, которая мне не известна, сидела, а гражданин

Маяковский стоял перед ней на коленях. Женщина примерно лет двадцати четырех, худощавая, лицо белое. Больше показать по данному делу не могу».

Не везет в любви?

«Я собралась уходить в театр на репетицию, – рассказывала Полонская следователю. – Маяковский дал мне десять рублей на такси, простился, пожал мне руку. Я вышла за дверь. И в это время раздался выстрел. Я сразу поняла, в чем дело, но не решалась войти, стала кричать. На крики выбежали квартирные соседи, и мы вошли в комнату. Маяковский лежал на полу с распростертыми руками и ногами с ранением в груди. Подойдя к нему, спросила, что вы сделали? Но он ничего не ответил. Что было дальше, не помню...»

Вероника Полонская была замужем за молодым тогда и очень талантливым актером Михаилом Михайловичем Яншиным, которого ждала всероссийская слава. Допросили и Яншина. Он отрицал измену жены:

«Когда я был занят на спектаклях, моя жена ходила в кино или в ресторан вместе с Владимиром Владимировичем. Были случаи, когда и на квартире у Владимира Владимировича моя жена встречалась с ним без меня из-за моей занятости. Но у меня и мыслей не было предосудительных. Владимир Владимирович был самым «джентльменистым» (если так можно выразиться), самым обходительным, внимательным. Вообще более порядочного человека трудно было найти».

Современники скептически относились к великодушью

мужа-рогоносца. На первом допросе Полонская тоже все отрицала:

«За все время знакомства с Маяковским в половой связи с ним не была, хотя он все время настаивал, но этого я не хотела. Причина самоубийства Маяковского мне не известна, но надо полагать, что главным образом послужил мой отказ во взаимности, так же как и неуспех его произведения «Баня» и нервное болезненное состояние».

Через много лет после смерти поэта Вероника Полонская станет куда откровеннее:

«Я была беременна от него. Делала аборт, на меня это очень подействовало психически, так как я устала от лжи и двойной жизни. Меня навещал в больнице Яншин. Опять приходилось лгать. Было мучительно. После операции, которая прошла не совсем благополучно, у меня появилась страшная апатия к жизни вообще и, главное, какое-то отвращение к физическим отношениям.

Владимир Владимирович с этим никак не мог примириться. Его очень мучило мое физическое равнодушие. На этой почве возникало много ссор, тяжелых, мучительных, глупых. Я считаю, что я и наши взаимоотношения являлись для него как бы соломинкою, за которую он хотел ухватиться».

В деле о самоубийстве Маяковского хранится донесение агента оперативного отдела Объединенного государственного политического управления, так тогда называлось ведомство госбезопасности. Оперотдел занимался обысками, аре-

стами и наружным наблюдением. Агент сообщал:

«Во время поездки за границу в 1929 году поэт Маяковский познакомился в Париже с Яковлевой Татьяной Алексеевной, которая в 1925 году уехала во Францию к своей бабушке. Маяковский по возвращении из заграницы рассказывал некоторым своим друзьям, что в лице Яковлевой он впервые нашел женщину, оказавшуюся ему по плечу. Он рассказывал о своей любви к ней».

Свидетельницей бурного романа была обосновавшаяся в Париже Эльза Триоле, сестра Лили Брик и жена французского писателя-коммуниста Луи Арагона:

«Татьяна Яковлева была в полном цвету, ей было всего двадцать с лишним лет, высокая, длинноногая, с яркими, желтыми стравленными волосами, довольно накрашенная, «в меха и бусы оправленная»... В ней были молодая удаль, бьющая через край жизнеутвержденность, разговаривала она, захлебываясь, плавала, играла в теннис, вела счет поклонникам...

Ей казалось, что так любить, как ее любит Маяковский, можно только раз в жизни. Неистовство Маяковского, его «мертвая хватка», его бешеное желание взять ее «одну или вдвоем с Парижем». Откуда ей было знать, что такое у него не в первый и не в последний раз? Откуда ей было знать, что он всегда ставил на карту все, вплоть до жизни?»

«В январе 1930 года, – информировал свое начальство сотрудник оперативного отдела ОГПУ, – родные и знакомые

Татьяны Яковлевой получили извещение о ее выходе замуж за виконта дю Плесси, атташе французского посольства в Варшаве. Ее сестра Людмила рассказывала, что Маяковский говорил ей о своих страданиях, которые он переживает впервые в жизни. Маяковский предлагал Яковлевой стать его женой, но она не захотела возвращаться в СССР и отказаться от роскоши, к которой привыкла в Париже...»

«Татьяна Яковлева не хотела ехать в Москву, – рассказывала Эльза Триоле. – Трудному Маяковскому в трудной Москве она предпочитала легкое благополучие с французским мужем из хорошей семьи. Я утешала и нянчила Володю, как ребенка, который невыносимо больно ушибся...»

Главный редактор «Известий» Иван Михайлович Гронский однажды ночью гулял с Маяковским по Москве:

«Маяковский заговорил о том, что ему не везет в любви. «На Сережку бабы вешаются, а от меня бегут». Сережка – это Есенин. «Я, – говорит, – не понимаю, почему». Эта тема, мужская, заняла довольно много времени. Я говорю: «Не может быть, чтобы от вас девушки бежали». «Да нет, – говорит, – бегут». Вот – ухаживал за такой-то, за такой-то. Он даже называл имена. Личной жизни устроить ему так и не удалось».

Маяковский всегда пользовался успехом у женщин, Кто мог предположить, что и его преследовали неудачи? Женщины охотно увлекались им, но им доставало короткого романа с известным поэтом и щедрым мужчиной. На более се-

рзные отношения не соглашались. А он влюблялся по уши и требовал того же от женщины.

«Маяковский, – вспоминала Вероника Полонская, – рассказывал мне, что очень любил Лилю Юрьевну Брик. Два раза хотел стреляться из-за нее, один раз он выстрелил себе в сердце, но была осечка...»

Так что же, Владимир Владимирович покончил с собой из-за любовных неудач? Не выдержал тягостной сцены, когда любимая женщина в буквальном смысле уходит? Но почему в этой истории незримо присутствуют политическая власть и госбезопасность?

Есть люди, которые уверены, что Владимир Маяковский не по своей воле покинул сей мир: он вовсе не покончил с собой, а был убит чекистами по приказу высшей власти.

Чекисты и художники

«О самоубийстве Маяковского, – рассказывал главный редактор «Известий» Иван Гронский, – мне сказал председатель ОГПУ Генрих Григорьевич Ягода. Мы с ним дружили, на совещании сидели рядышком, у окна. Он меня информировал о подробностях самоубийства Маяковского».

На квартиру № 12 по Лубянскому проезду, дом 3, где покончил с собой Маяковский, сразу приехали чекисты. Благо от ведомства госбезопасности недалеко. Старшим был начальник секретно-политического отдела ОГПУ Яков Саулович Агранов. Секретно-политический отдел занимался борьбой с «антисоветскими элементами».

Известный в ту пору литературный критик Корнелий Люцианович Зелинский застал Агранова у тела Маяковского: «В его манере было нечто вкрадчивое, спокойное и заставляющее настораживаться. Тонкие и красивые губы Якова Сауловича всегда змеились не то насмешливой, не то вопрошающей улыбкой. Умный был человек».

Когда в 1922 году Ленин приказал выставить из страны «контрреволюционных» ученых, он попросил Дзержинского поручить это дело толковому чекисту. Поручили Агранову. И Ленин, и Сталин к Агранову благоволили.

Появление высокопоставленного чекиста в квартире поэта служит основанием для предположений о том, что он-то

и руководил «операцией по уничтожению Маяковского». И Агранов сам занялся похоронами поэта, потому что заметал следы... Но какие?

Художница Елизавета Лавинская видела в руках Агранова снимок мертвого Маяковского. Не тот, который всем известен, а совсем другой: «Распростертый, как распятый, на полу с раскинутыми руками и ногами и широко раскрытым в отчаянном крике ртом».

Снимок этот теперь опубликован. Самоубийство сопровождается болью, муками, страданием, так что последние секунды жизни Маяковского были ужасны. Скрывали эту фотографию не потому, что хотели спрятать концы в воду, а потому, что поэту-коммунисту и после смерти полагалось выглядеть достойно.

Крупные чекисты охотно участвовали в богемной жизни Москвы, дружили с мастерами искусств, как тогда говорили, изображали из себя меценатов. Сотрудникам секретных служб льстит внимание властителей дум. А поэтов, артистов и художников волнует мистическая притягательность тайной власти.

Начальник ведомства госбезопасности Генрих Ягода торчал в доме Максима Горького не потому, что следил за писателем. Ягоде, как уверяют, нравилась сноха писателя, жена Пешкова-младшего, а еще больше льстил интерес, с которым ему внимал цвет художественной интеллигенции. А следить за писателями было кому и помимо наркома и его замести-

телей. На недостаток осведомителей ведомство никогда не жаловалось.

Вот еще один вопрос: почему Маяковскому чекисты подарили пистолет? Говорят, «это было приглашением к самоубийству. Ему пистолет был не положен»... Очень даже положен. И в наши-то дни Министерство внутренних дел, Министерство обороны и другие силовые ведомства одаривают деятелей культуры личным оружием, а уж в те времена, после Гражданской войны, многие держали дома пистолет или револьвер. Отбирать их стали позже, когда начался массовый террор.

«Владимир Владимирович, – рассказывала Вероника Полонская, – всегда носил при себе заряженный револьвер. Рассказал, что однажды какой-то сумасшедший в него стрелял. С тех пор он всегда ходил с оружием».

Есть те, кто так считает: «В тридцатом году Маяковского надо было убирать во что бы то ни стало. И его убрали»...

Но почему именно в тридцатом Маяковского надо было убирать? Главным врагом Сталина был Троцкий. Приказ об убийстве Троцкого был отдан не в 1930 году, а позже. Что же, выходит, Маяковский был более опасен, чем Троцкий?

Страх перед старостью?

Возможно, лучше всех Маяковского знала Лиля Юрьевна Брик, одна из самых ярких женщин той эпохи. Художественная натура, она сама писала и переводила, играла в кино, но главное – была музой Маяковского многие годы:

«Рано утром меня разбудил телефонный звонок. Глухой, тихий голос Маяковского: «Я стреляюсь. Прощай, Лилик». Я крикнула: «Подожди меня!» – что-то накинула поверх халата, скатилась с лестницы, умоляла, гнала, била извозчика кулаками в спину.

В его комнате на столе лежал пистолет. Он сказал: «Стрелялся, осечка, второй раз не решился, ждал тебя». Маяковский вынул обойму из пистолета и оставил только один патрон в стволе. Зная его, я убеждена, что он доверился судьбе, думал – если не судьба, опять будет осечка, и он поживет еще.

Мысль о самоубийстве была хронической болезнью Маяковского, и, как каждая хроническая болезнь, она обострялась при неблагоприятных условиях...»

Поэты – самый ранимый род людей. То, что со стороны кажется малозначительным, для них трагедия вселенских масштабов. Хотя депрессия как таковая свидетельствует о том, что организм человека не способен адекватно реагировать на обстоятельства жизни, это болезненная реакция.

«В Маяковском, – рассказывала Лиля Брик, – была иступленная любовь к жизни, ко всем ее проявлениям – к революции, к искусству, к работе, к женщинам, к азарту, к воздуху, которым он дышал. Его удивительная энергия преодолевала все препятствия. Но он знал, что не сможет победить старость, и с болезненным ужасом ждал ее с самых молодых лет.

Как часто я слышала от Маяковского слова: «Застрелюсь, покончу с собой, тридцать пять лет – старость! До тридцати лет доживу. Дальше не стану». Сколько раз я мучительно старалась убедить его в том, что ему старость не страшна, что он не балерина...»

Но страх перед старением или любовные неудачи, возможно, не привели бы к роковому выстрелу, если бы не те публичные оскорбления и поношения, которые обрушились на Маяковского в последние месяцы его жизни. В этом смысле можно говорить о доведении до самоубийства. Вокруг него создалась атмосфера, губительная для всего талантливого и неординарного.

В подкрепление своих слов позволю себе сослаться на показания надежного свидетеля. Очевидца. На записки моего дедушки – Владимира Михайловича Млечина, который знал Маяковского и оставил мне свои воспоминания. Он был известным в театрально-литературном мире человеком. В тридцатые годы возглавлял столичный Репертком – комитет по контролю за репертуаром и зрелищами.

Ни один спектакль, ни одна постановка, ни одно представление в Москве (включая эстрадные номера) не могли появиться без разрешения председателя Реперткома.

Была такая история. Сталин устроил прием в честь летчиков, и невероятно популярный тогда Валерий Чкалов попросил, чтобы Леонид Утесов исполнил блатную песенку «С одесского кичмана». Сталин говорит: пожалуйста. В гримерную, где Утесов готовился к выступлению, пошел сотрудник охраны и передал просьбу включить в программу вечера песню «С одесского кичмана».

– Что вы, – испуганно ответил Утесов, – мне ее запретил петь товарищ Млечин!

– Кто? – переспросил сотрудник охраны.

– Товарищ Млечин, начальник Реперткома.

– Сегодня можно, – сказал чекист. – Товарищ Сталин разрешил...

«Угнетен и подавлен»

«Был день, даже почти сутки, которые мне довелось провести в обществе Маяковского, – вспоминал Владимир Млечин. – Из моей памяти ни день этот, ни вечер, ни тем более ночь, ночь последней беседы с Владимиром Владимировичем, никогда не изгладятся. Я не знал бремени обрушившихся на него бед и не мог постичь невероятной боли, которая, наверное, недели и месяцы точила сердце поэта. Когда возвращаешься мысленно к той далекой поре, кажутся не постижимыми равнодушие, слепота и глухота людей, знавших поэта близко, его друзей и соратников.

На открытии Клуба мастеров искусств я впервые услышал, как Маяковский читал вступление к поэме «Во весь голос». Меня поразила невысказанная боль, охватившая сердце поэта. Он обращался к потомкам, потому что отчаялся услышать отклик современников. Как можно было пройти мимо его трагической настроенности?! Бас Маяковского рокотал, но некогда было оценить всю силу и глубину образа, неповторимую инструментовку стиха, изумительное искусство звукописи. Совсем другое ощущение охватило меня: внутренняя дрожь, неосознанное чувство тревоги, беспокойство».

Вечером того памятного дня Владимир Млечин должен был вступительным словом открыть диспут в Доме печати

о пьесе Маяковского «Баня», поставленной театром выдающегося режиссера Всеволода Эмильевича Мейерхольда.

О Мейерхольде пишут как о своевольном, анархическом и неукротимом алхимике, театральном фокуснике, который «никаких резонов не понимал», ни с кем не считался и действовал как бог на душу положит, подчиняясь лишь произволу своей неумемной фантазии, лишь бы было почуднее, по-оригинальнее, лишь бы эпатировать зрителя.

Нет ничего ошибочнее. Мейерхольд был безмерно талантлив и образован, искренно и увлеченно стремился сказать в искусстве новое слово в уверенности, что все старые уже сказаны и бессмысленны.

«Зритель его премьер, в том числе по пьесам Маяковского, – вспоминал Владимир Млечин, – я могу засвидетельствовать: мне никогда не доводилось переживать подобное, хотя видел я спектакли поистине чудесные, гармонические и совершенные, волнующие и незабываемые. Были поразительные режиссерские открытия, были изумительные актерские достижения. Но таких потрясений все же не было. Это переживания особого рода, когда жизнь и сцена сливались воедино.

А тогда, после просмотра «Бани», хор негодующих был яростным, стройным. Над Маяковским пронесся критический ураган в двенадцать баллов. Его поносили за «издевательское отношение к нашей действительности». Не пощадила Маяковского «Комсомольская правда»: «Продукция у

Маяковского на этот раз вышла действительно плохая, и удивительно, что театр Мейерхольда польстился на эту продукцию».

Я ощутил необыкновенно болезненную реакцию Владимира Владимировича на критику пьесы, хотя кто-кто, а он, казалось, привык к таким разносам и разгромам, – вспоминал Владимир Млечин. – Но таково уж, видимо, было настроение поэта в те дни, такова была степень его ранимости, которую обычно он умел великолепно прикрывать острой шуткой, едкой репликой, а то и явной бравадой. Маяковский был угнетен и подавлен.

Да и весь привычный облик Маяковского, всегда собранного, всегда настроенного как бы воинственно, агрессивно, не вязался с мыслью о назревающей, если уже не вполне созревшей трагедии».

Сразу после выступления Маяковский шепнул Владимиру Млечину:

– Поедем отсюда, тезка.

Вышли на улицу. Маяковский был сумрачен и молчалив. Шел двенадцатый час ночи. Маяковский махнул проезжавшему свободному извозчику.

– Может, в «Националь»? – предложил Млечин-старший, полагая, что Маяковский хочет поиграть на бильярде.

– Нет уж, – сказал Владимир Владимирович, – давайте в «Кружок».

Игра по-крупному

«Кружок» – так в обиходе московской литературно-театральной богемы именовался Клуб мастеров искусств, располагавшийся в подвальчике в Старопименовском переулке. Здесь собирались боги тогдашнего театрального и литературного Олимпа, знаменитые живописцы, а потом и прославленные летчики и тщеславные военачальники...

Владимир Млечин:

«Я думал, что Маяковский хочет поужинать, поиграть на бильярде, – ради этого, собственно, и ездили в «Кружок». Но мы не ужинали. Не играли. Устроились в коридорчике, который вел к ресторану. Дважды, может быть, трижды подходил к нам официант, предлагая поесть, потом сообщая о предстоящем закрытии кухни. Маяковский благодарил, но в ресторан не пошел. Приехали не позже двенадцати. Ушли последними, когда клуб закрывался, стало быть, не ранее четырех часов утра.

Почему Маяковский выбрал в собеседники именно Млечина-старшего?

Демобилизовавшись после Гражданской войны, Владимир Млечин поступил в архиакадемическое и архитрудное Московское высшее техническое училище на инженерно-строительный факультет. И вдруг вся жизнь перевернулась.

«ЦК играет человеком», – писал некогда поэт Александр Безыменский. Меня вызвали в ЦК партии, сообщили, что есть решение мобилизовать двести коммунистов для укрепления промышленных районов страны. Я поехал в Брянск, заведовал в губкоме отделом печати и редактировал губернскую партийную газету. Но наезжавший в Брянск секретарь ЦК комсомола Александр Мильчаков, веселый и решительный парень, настоял на том, чтобы меня откомандировали в распоряжение ЦК комсомола.

Кажется, что в отношении ко мне, как к «боевому комсомольцу», сказалось и то, что я мог, «не спотыкаясь и не заикаясь», выпить подряд три «комсомольских ерша». Рецепт такой: треть стакана водки, треть пива и треть совершенно убийственного портвейна».

Решением оргбюро ЦК Млечин-старший очутился в Москве, в издательстве «Молодая гвардия». Здесь летом 1926 года познакомился с Маяковским. И попросил написать для издательства замечательную вещь – «Эта книжечка моя про моря и про маяк». Наверное, ее все в детстве читали.

Владимир Млечин:

«Отношения с Маяковским сразу установились простые и, я бы сказал, сердечные. Он поразительно умел находить товарищеский и дружелюбный тон, едва чувствовал искренность и заинтересованность собеседника. Мы встречались у наркома просвещения Анатолия Васильевича Луначарского. Нашлось и еще одно поле для встреч – бильярдное».

Маяковский вообще любил азартные игры. Увлекался он и бильярдом. Манера игры раскрывала многие черты его самобытного и яркого характера. Играл Маяковский очень хорошо – для любителя, разумеется. У него был поразительно точный и сильный удар. Он сразу разбивал пирамидку. Если ему удавалось при этом положить шар, можно было считать партию выигранной.

Маяковский с профессионалами играл редко. Не потому что боялся: игру всегда можно было уравновесить форой. Ему претили ухищрения профессиональной игры, обязательно связанной со сложными тактическими ходами, со сверхосторожным отыгрышем и с известной долей коварства.

Но не любил он и «пустой» игры, то есть без всякой ставки. Пусть маленький «интерес», хоть полтинник, хоть бутылка сухого вина, но заинтересованность в игре должна быть. Исключения он делал только для партнеров заведомо слабых. Так он играл с наркомом просвещения Луначарским, который пользовался любой свободной минутой, чтобы «покатать шарики», но играл чрезвычайно слабо.

«Человек – это стиль» – говорят французы. И в стиле бильярдной игры, в каждом движении Маяковского сквозило то своеобразие, которое было свойственно всем проявлениям его неповторимой индивидуальности – прямота, напор, смелость, порой дерзость, и вместе с тем – отличная выдержка, стойкость, поразительная корректность.

Тем более удивительным, непохожим на себя показался Маяковский в тот памятный день последней встречи. Чувство глубокой горечи, недоумения, можно сказать, обиды слышалось едва ли не в каждой фразе, в каждом жесте, даже в междометиях Маяковского.

Нельзя забыть и ощущения растерянности, которая явно владела им в тот день и так не вязалась с его обликом человека всегда собранного, уверенно шагавшего по своей земле, уверенно беседовавшего со своим читателем, бросавшегося в смелую атаку против своих недругов».

Время острое. И позднее

Разговор в Клубе мастеров искусств продолжался несколько часов. Млечин-старший попытался убедить Владимира Владимировича в том, что никакой директивы критиковать его нет и быть не может.

Маяковский прервал его:

– Удар наносится по мне – сосредоточенный, злобный, организованный. Непристойные рецензии – результат организованной кампании.

– Организованной? Кем? Кто заинтересован в такой кампании против вас?

– Мне наносится удар за ударом – с явным намерением подорвать доверие ко мне, вывести меня из строя. С восемнадцатого года меня так не поносили.

Млечин-старший сделал попытку перевести беседу в юмористическое русло:

– Так чего вам сокрушаться, Владимир Владимирович? Ругались прежде, кроют теперь...

– Как же вы не понимаете разницы! Теперь меня клеймят со страниц родных мне газет!

– Но все-таки к вам хорошо относятся.

Маяковский:

– Кто?

– Например, Анатолий Васильевич Луначарский говорил,

что в ЦК партии вас поддержали, когда возник вопрос об издании вашего собрания сочинений.

Луначарский был наркомом просвещения.

– Да, Луначарский мне помогал. Но с тех пор много воды утекло.

Маяковский говорил о травле. Утверждал, что поход против него стал особенно яростным в связи с выставкой, которую он организовал к двадцатилетию своей литературной деятельности. Маяковский был уверен, что враждебные ему силы находят у кого-то серьезную поддержку. Только этим можно объяснить, что никто из официальных лиц не пришел на его выставку, что не откликнулись большие газеты, а журнал «На литературном посту» устроил ему очередной разнос.

Маяковский:

– А почему эту разносную статью перепечатала «Правда»? Что это означает? Булавочные уколы, пустяки? Нет, это кампания, это директива! Только чья, не знаю.

– Вы думаете, что «Правда» действовала по директиве?

– А вы полагаете, что по наитию, по воле святого духа? Нет, дорогой. Вы правы в одном: статья в «Правде» сама по себе не могла сыграть большой роли. Но вы никак не объясните, почему вокруг меня образовался вакуум, полная и мертвая пустота?

Владимир Млечин:

«В словах Маяковского звучала глубокая тоска. И слова

эти меня очень удивили. Я знал, что на выставке перебивало много народа, что у Маяковского полно друзей, последователей, целая литературная школа. Все это я с большой наивностью и высказал.

Маяковский:

– Друзья? Может, и были друзья. Но где они? Кого вы сегодня видели в Доме печати? Есть у меня друзья – Брики. Они далеко. В сущности, я один, тетка, совсем один...

Я не понимал безнадежности попыток убедить Маяковского, что все идет к лучшему в этом лучшем из миров, а его огорчения – следствие мнительности или, пуще того, необоснованных претензий. Я не понимал, что выставка «За двадцать лет» для Маяковского – итог всей трудной жизни и он вправе, именно вправе, ждать признания от высших органов государственной власти».

И Млечин-старший задал вопрос, который Маяковскому, вероятно, показался если не бестактным, то весьма наивным:

– Чего же вы ждали, Владимир Владимирович? Что на выставку придут Сталин, другие члены политбюро?

Ответ последовал неожиданный:

– А почему бы им и не прийти? Отметить работу революционного поэта – обязанность руководителей советского государства. Или поэзия, литература – дело второго сорта?

Владимир Млечин:

«Что я мог сказать Маяковскому? Я не знал, как относятся к нему руководящие деятели партии тех лет, в частности

Сталин. И, главное, я вовсе не был уверен в том, что Владимир Владимирович прав и государственные деятели обязаны выказывать внимание поэту».

– Время надвигается острое... И позднее, – вдруг добавил Маяковский.

Эти слова Млечин-старший никогда не забудет. Вот, что я нашел в его записках:

«Что ни говори, изрядно досталось моему поколению. Я жил в полную меру сил, дышал, что называется, во всю глубину легких, ввязывался в любую драку – кулачную или, позже, идейную, если считал дело справедливым. Нравы были суровые, и это закаляло. С младенческих лет эмпирически постиг истину: полез в драку, не жалей хохла.

Мы жили бесстрашно, верили в грядущий день. Что значили невзгоды в атмосфере энтузиазма и непреклонной силы веры? Вот-вот начнется царство социализма на земле. Мы верили, как первые христиане. Пока небо не расколосось над головой.

Когда-то Достоевский больше всего потряс меня изображением детских страданий. Может быть, потому что рос я в условиях отнюдь не легких, помню мать в слезах, когда не было хлеба для ребят. Помню ее маленькую, слабую с мешком муки – пудик, полтора – за спиной, кошелкой картофеля в одной руке, а в другой ручка двухлетней сестры, шлепающей по грязи Суражского тракта, помню окружающую нищету, неизмеримо более горькую, чем у нас. Словом, стра-

дания детей – мой пунктик.

И по сию пору не могу забыть крестьянских ребятишек, которых в 1929 году вместе с жалким скарбом грузили в подводы и вывозили из насиженных мест, порой в дождь, в слякоть, в холод. Я этого видеть не мог. И стал постигать, что идеей революционной целесообразности прикрываются дела невыносимые, преступные, ужасные».

Маяковский поднялся и зашагал к гардеробу. Они вышли во двор. Светало, надвигалось утро. Они отправились к Малой Дмитровке. На углу стояли извозчики.

– Поедем, – предложил Млечин-старший.

– Нет, – ответил Владимир Владимирович, – я, пожалуй, пройду пешком.

«Мы распрощались, я уехал», – сказано в записках моего дедушки. Он жил здесь, в Печатниковом переулке, дом № 21, квартира 1. Больше он Владимира Владимировича не видел. Утром 14 апреля ему домой позвонил сотрудник «Вечерней Москвы». Сказал всего два слова: «Маяковский застрелился».

Огонь и пепел

Кандинский, Прокофьев, Стравинский, Эйзенштейн, Маяковский, Мейерхольд... Этот великолепный список талантов, прославивших Россию в начале XX века, свидетельствовал о мощном выбросе творческой энергии, сокрушавшей все и всяческие авторитеты, традиции и каноны. Модернисты свободно экспериментировали, не обращая внимания на то, что прежде считалось обязательным с точки зрения формы и содержания.

Этот пафос обновления приветствовали в послереволюционной Москве, назвав модернизм революционным искусством. В Москве, вздыбленной, бурлящей, создалась критическая масса таланта, невиданная концентрация одаренных индивидуальностей.

Но Москва оказалась ловушкой для модернистов; их сочли подозрительными бунтарями, и для них не нашлось экологической ниши в жестко структурированном иерархическом обществе. Модернизм мог существовать до тех пор, пока искусство не превратили в государственное дело и не начали использовать для обслуживания системы, пока критерием оценки не стала идеологическая полезность.

«Когда Маяковский застрелился, самые близкие к нему люди, Лиля и Осип Брики, находились в Лондоне, – рассказывал Корнелий Зелинский. – Веронику Полонскую до-

прашивал следователь, и она плакала. А женщина, которой Маяковский посылал цветы, Татьяна Яковлева, танцевала на светском вечере в Париже. Как всегда, было много народу. И в двенадцать часов ночи негры на золотых блюдах выносили голых женщин, лежавших среди ананасов и яблок».

Организацией похорон Маяковского ведал Владимир Андреевич Сутырин, секретарь по организационным вопросам Федерации объединений советских писателей, бывший партийный работник. Он знал, как действовать:

«По городу шло много слухов и сплетен, причем один слух был очень злонамеренным. Из числа причин самоубийства Маяковского указывалось, что он был болен сифилисом. Я понял, что эти сплетни надо прекратить».

Оргсекретарь Союза писателей снял трубку и позвонил Агранову на Лубянку, а потом заведующему агитационно-пропагандистским отделом ЦК партии Александру Ивановичу Стецкому. Сказал, что надо произвести вскрытие, дабы медицинская экспертиза установила и зафиксировала в специальном акте истинное положение вещей.

«Я не знаю, было ли специальное решение ЦК, – вспоминал Сутырин, – но часов в десять вечера приехали судебная экспертиза и медики. Маяковский был вынут из гроба, и началась экспертиза. Результаты вскрытия показали, что злонамеренные сплетни не имели под собой никаких оснований».

Через несколько лет Лиля Брик, в которую был влюблен

Маяковский, отправила письмо Сталину. Она жаловалась на то, что Маяковский несправедливо забыт.

Сталин написал на письме: «Маяковский был и остается лучшим, талантливейшим поэтом нашей советской эпохи. Безразличие к его памяти – преступление...» Велел Николаю Ивановичу Ежову: «Сделайте, пожалуйста, все, что упущено нами».

Будущий нарком внутренних дел Ежов был тогда председателем Комиссии партийного контроля. Он принял Лилу Брик незамедлительно:

– Почему вы раньше не писали в ЦК? Я Маяковского люблю.

Сталин попросил заняться этим делом Ежова, потому что знал: исполняя его поручение, тот сделает все мыслимое и неммыслимое. Николай Иванович не подвел: принял все необходимые решения о почитании Маяковского.

И выдающегося поэта-бунтаря, жаждавшего обновления жизни и поэзии, превратили в музейный экспонат, в скучный абзац из школьного курса литературы.

Гражданскую панихиду устроили в клубе писателей на Поварской улице, которая в советские годы носила имя Воровского. Хоронить Маяковского в земле не стали. Поздно вечером тело кремировали.

«Я встретил Бориса Пастернака, – вспоминал Корнелий Зелинский, – и он мне сказал, что вот было много огня, а пепла осталось немного. Но я подумал, что огня осталось

много, пепла, может быть, немного, а огня много. Он оказался жарче, объемнее, сильнее, нежели тот, что сжег его гроб, обитый красным сукном, и расплавил подковки на его ботинках. Огонь поэта... чем его измеришь?»

Глава 2

Фадеев. Партия в бильярд с Лаврентием Павловичем

Александр Александрович Фадеев всегда плохо спал, пригоршнями глотал снотворное, вставал поздно и с трудом. В ту ночь никак не мог уснуть, утром отказался от завтрака, сказал: пусть его позовут к обеду, а покуда он будет дремать. Наступило время обеда. Маленький сын Миша пошел звать отца и скатился вниз с ужасным криком:

– Папа застрелился!

Выстрела никто не слышал.

Это произошло 13 мая 1956 года.

Жена Фадеева – известная актриса МХАТа Ангелина Осиповна Степанова – находилась на гастролях в Югославии. На дачу в Переделкино примчались писатели Алексей Александрович Сурков и Евгений Аронович Долматовский.

«Фадеев, – вспоминал Долматовский, – лежал на широкой кровати, откинув руку, из которой только что – так казалось – выпал наган, вороненый и старый, наверное, сохранившийся от Гражданской войны. Белизна обнаженных плеч, бледность лица и седина – все как бы превращалось в мрамор».

Александр Фадеев был не только известнейшим писателем, но и крупной политической фигурой. Разбираться в об-

стоятельствах его смерти прибыли начальник следственного управления КГБ генерал Михаил Петрович Маляров, его заместитель полковник Козырев и начальник первого отдела Четвертого управления КГБ Филипп Денисович Бобков, который всю жизнь занимался слежкой за интеллигенцией и со временем стал генералом армии и первым заместителем председателя комитета госбезопасности.

Бобков заметил, что одежда Фадеева аккуратно разложена на стуле. По всему было видно, что он заранее все обдумал и приготовился к смерти. Фадеев оставил прощальное письмо.

Секретное письмо

«Маляров, – вспоминал Бобков, – потянулся к письму, собираясь прочесть его, но Козырев остановил генерала:

– А надо ли, Михаил Петрович?

– Письмо ведь адресовано в ЦК, – поддержал его я.

Свидетельствую: никто не читал письма, пока оно не дошло до адресата. Пусть не выдумывают «очевидцы». В ЦК познакомили с ним А.А. Суркова, М.А. Шолохова, К.М. Сиимонова, А.Т. Твардовского и, по-моему, К.А. Федина. Об этом рассказал мне Сурков, намеревавшийся и меня посвятить в содержание письма. Я возразил:

– Алексей Александрович, вы дали слово в ЦК не говорить о том, что написал Фадеев. Если сейчас расскажете мне, что там написано, вы нарушите слово и потом, как честный человек, будете переживать. Я же приучил себя к тому, что не предназначенная мне информация не должна меня интересовать.

Разговор происходил в кабинете Суркова в доме Союза писателей на улице Воровского. Алексей Александрович встал, подошел к шкафу и вернулся с бутылкой грузинского вина. Открыл ее, наполнил стаканы и со словами: «Научил старика!» – предложил выпить».

Воспоминания генерала Бобкова оставляют странное впечатление. А как же могло вестись следствие по делу о са-

моубийстве без знакомства с предсмертной запиской самоубийцы? Если чекисты и следователи и в самом деле не заглянули в письмо Фадеева, значит, не выполнили свои профессиональные обязанности. Если заглянули, к чему эти нравоучительные сентенции?

Предсмертное письмо держали в тайне от страны тридцать лет. Теперь оно рассекречено. Александр Фадеев, подводя нерадостные итоги, горько жаловался на власть, искалечившую его жизнь. Он возмущался не только жестокими сталинскими временами, но и тем, что делалось уже при Хрущеве:

«Не вижу возможности дальше жить, так как искусство, которому я отдал жизнь свою, загублено самоуверенно-невежественным руководством партии и теперь уже не может быть поправлено.

Лучшие кадры литературы – в числе, которое даже не снилось царским сатрапам, физически истреблены или погибли благодаря преступному попустительству власть имущих; лучшие люди литературы умерли в преждевременном возрасте; все остальное, мало-мальски способное создавать истинные ценности, умерло, не достигнув сорока-пятидесяти лет.

Литература – эта святая святых – отдана на растерзание бюрократам и самым отсталым элементам народа, и с самых «высоких» трибун – таких как Московская конференция или XX партийный съезд, раздался новый лозунг: «Ату ее!»

Тот путь, которым собираются «исправить» положение, вызывает возмущение: собрана группа невежд, за исключением немногих честных людей, находящихся в состоянии такой же затравленное™ и потому не могущих сказать правду, – и выводы, глубоко антиленинские, ибо исходят из бюрократических привычек, сопровождаются угрозой все той же «дубинки».

С каким чувством свободы и открытости мира входило мое поколение в литературу при Ленине, какие силы необъятные были в душе и какие прекрасные произведения мы создавали и еще могли бы создать!

Нас после смерти Ленина низвели до положения мальчишек, уничтожали, идеологически пугали и называли это – «партийностью». И теперь, когда все можно было бы исправить, сказалась примитивность, невежественность – при возмутительной дозе самоуверенности – тех, кто должен был все это исправить. Литература отдана во власть людей, неталантливых, мелких, злопамятных...

Самодовольство нуворишей от великого ленинского учения, даже тогда, когда они клянутся им, этим учением, привело к полному недоверию к ним с моей стороны, ибо от них можно ждать еще худшего, чем от сатрапа Сталина. Тот был хоть образован, а эти – невежды.

Жизнь моя как писателя теряет всякий смысл, и я с превеликой радостью как избавление от этого гнусного существования, где на тебя обрушиваются подлость, ложь и клевета,

ухожу из этой жизни.

Последняя надежда была хоть сказать это людям, которые правят государством, но в течение уже трех лет, несмотря на мои просьбы, меня даже не могут принять».

О расследовании обстоятельств смерти Фадеева на следующий день председатель КГБ генерал армии Иван Александрович Серов доложил в ЦК:

«13 мая 1956 года, примерно в 15:00, у себя на даче, в Переделкино Кунцевского района, выстрелом из револьвера покончил жизнь самоубийством кандидат в члены ЦК КПСС писатель Фадеев Александр Александрович.

Предварительным расследованием установлено, что накануне, т. е. 12 мая с.г. Фадеев находился у себя на московской квартире, где имел встречу и продолжительную беседу с писателями С.Я. Маршаком и Н. Погодиным.

Вечером того же дня Фадеев вместе с 11 – летним сыном Мишей приехал на дачу в Переделкино, где и находился до самоубийства.

Как показала его секретарь Книпович, в 12 часов дня 13 мая с.г. Фадеев сказал ей, что после разговора с Маршаком он не мог уснуть и на него не действовали снотворные средства.

По заявлению домработницы Ландышевой, Фадеев утром 13 мая приходил к ней на кухню и, отказавшись от завтрака, снова ушел к себе в кабинет. При этом, по мнению Ландышевой, Фадеев был чем-то взволнован.

Около 15 часов в кабинет Фадеева зашел его сын Миша и обнаружил Фадеева мертвым.

При осмотре рабочего кабинета сотрудниками КГБ Фадеев лежал в постели раздетым с огнестрельной раной в области сердца. Здесь же на постели находился револьвер системы «Наган» с одной стреляной гильзой. На тумбочке возле кровати находилось письмо с адресом «В ЦК КПСС», которое при этом прилагаю.

Труп Фадеева отправлен в институт Склифосовского для исследования.

Рабочий кабинет Фадеева А.А. опечатан.

Следствие продолжается».

Самоубийство недавнего руководителя Союза писателей, широко известного в стране и за рубежом, было неприятнейшим сюрпризом для членов президиума ЦК КПСС, а его письмо признали возмутительным. Меньше всего Хрущеву и его соратникам хотелось признавать самоубийство Фадеева актом протеста против политики партии в области литературы и искусства. Выстрел в себя мог быть только актом слабости больного, спившегося человека. Следствие должно было подтвердить эту версию.

22 мая генерал Серов доложил в ЦК о результате допросов тех, кто общался с Фадеевым накануне его смерти:

«Маршак утверждает, что по ходу беседы нельзя было сделать какого-либо вывода о пессимистических настроениях со стороны Фадеева А.А.

Допрошенная в качестве свидетеля Зарахани Валерия Осиповна, которая является родственницей Фадеева и его личным секретарем, показала, что примерно год тому назад она днем зашла в спальню Фадеева и увидела его лежащим в кровати, а рядом на столе были – бутылка водки, пистолет и записка.

Она забрала оружие, выругала его, после чего он успокоился. Содержание записки якобы было нехорошее, но она его не помнит.

Допрошенный гражданин Чернобай К.С., работающий в течение десяти лет сторожем на даче у Фадеева, рассказал, что примерно за два часа до самоубийства Фадеев разговаривал с ним по вопросу устройства приусадебного участка и обещал ему достать в Литфонде машину для доставки удобрений. Затем они пошли с Фадеевым в столовую, где Чернобай выпил 100 гр. водки, а Фадеев съел простоквашу.

В ходе расследования выяснилось также, что за полтора часа до самоубийства Фадеев разговаривал по телефону со своей родной сестрой Татьяной, которой жаловался на бессонницу, заявив, что много приходится принимать снотворного. Сказал, что положение на культурном фронте, а особенно на литературном, неблагоприятно и это его сильно волнует.

Далее он ей рассказал о своем намерении направить в ЦК КПСС письмо, в котором поставить волнующие его вопросы и внести предложения об улучшении дела в области культу-

ры. Одновременно пожаловался на пониженную работоспособность и сильное нервное возбуждение.

Примерно в таком же духе сообщают и другие знакомые Фадеева, встречавшиеся с ним перед смертью. На основании материалов следствия можно прийти к выводу, что самоубийство Фадеева является результатом расстройства нервной системы, нарушенной длительным злоупотреблением алкоголя, и общего болезненного состояния».

14 мая на заседании президиума ЦК Хрущев сурово осудил поступок, недостойный коммуниста, и распорядился:

– Пусть врачи напишут, сколько он лечился от алкоголя. Вообще все надо сказать и опубликовать.

15 мая Александр Трифонович Твардовский записал в дневнике: «Смерть Фадеева. Узнал вчера утром. Самое страшное, что она не удивила. Это было очень похоже. Сегодня газеты хамски уточняют причины самоубийства».

Увидев мертвого Фадеева, Алексей Сурков и Евгений Долматовский из Переделкино поехали в Москву, в Союз писателей, располагавшийся на улице Воровского (ныне Поварская), чтобы сочинить некролог для завтрашних газет. Сурков в то время был фактическим руководителем Союза писателей, проводить в последний путь Фадеева входило в его обязанности.

«Всю дорогу, – вспоминал Долматовский, – мы с Алексеем Александровичем подбирали самые глубинные душевные мысли для последнего слова. Но, приехав на улицу Воров-

ского, узнали, что опоздали. Некролог – жесткий и краткий – кем-то уже был написан и передан в печать...»

Текст, короткий и злой, составили в ЦК.

Никита Сергеевич Хрущев настолько разозлился на ушедшего из жизни Фадеева, что об алкоголизме руководителя Союза писателей открыто написали в официальном некрологе, – это было невиданным позором.

В некрологе, опубликованном «Правдой», говорилось:

«В последние годы А.А. Фадеев страдал тяжелым прогрессирующим недугом – алкоголизмом, который привел к ослаблению его творческой деятельности. Принимаемые в течение нескольких лет различные врачебные меры не дали положительных результатов. В состоянии тяжелой душевной депрессии, вызванной очередным приступом болезни, А.А. Фадеев покончил жизнь самоубийством».

Люди читали и не верили своим глазам. Кандидату в члены ЦК не полагалось быть самоубийцей и алкоголиком. Михаил Александрович Шолохов, по словам литературного критика Михаила Романовича Шкерина, потрясая газетой, неистовствовал:

– Ну, ты подумай, какую подлую причину выставили! Прочитал вот, звоню в президиум ЦК. Разговаривал с Ворошиловым. Зачем, спрашиваю, такую версию опубликовали, посмертно унизили талантливейшего писателя, героя Гражданской войны, вместе с делегатами десятого съезда штурмовавшего мятежный Кронштадт в двадцать первом году,

тяжело раненного в том бою, – зачем? И знаешь, что сказал в ответ Ворошилов ноющим голосом? Он, слышь, нам страшное письмо оставил, на личности членов политбюро перешел!

О том, что Фадеев пьет, писательская Москва знала. Но некролог произвел странное впечатление. Привычка не верить официальным версиям возобладала. Говорили, что в последние месяцы Александр Александрович вообще не пил и будто бы даже готовился к уходу из жизни, встречался со старыми друзьями.

Называли другие возможные причины самоубийства – потеря должности, опала, равнодушие со стороны начальства. Кроме того, врачи, чтобы заставить его не пить, говорили, что его печень в ужасном состоянии. Кстати, вскрытие это не подтвердило. Но Фадеев со слов врачей мог считать, что жить ему осталось недолго. Кроме того, после XX съезда из мест не столь отдаленных стали возвращаться писатели, которые публично говорили, что это Фадеев их посадил, и называли его негодяем.

Разве мог он все это выдержать?

Маменькин сынок

Два человека определили жизнь Фадеева. Это прежде всего его мать, Антонина Владимировна Кунц, обрусевшая немка, властная женщина с суровым характером, которая воспитала его в революционном духе (подробнее см. статью Натальи Ивановой «Личное дело Александра Фадеева» в журнале «Знамя», № 10/1998).

Когда она ушла из жизни, Фадеев писал:

«Она всю свою жизнь была тем беспартийным активом, который большевики имели в народе еще в условиях нелегальной борьбы... Необыкновенно дельный человек, выдержанный по своим моральным устоям (даже в одежде!), по заветам своей юности, она была народной фельдшерницей по глубокому идейному призванию и проработала около пятидесяти лет в глухих деревнях и в рабочих районах».

Вторым человеком, на которого Фадеев равнялся, которому подражал, с которого брал пример, был Сталин. Вождь в определенном смысле отвечал ему взаимностью, даже по своему любил Александра Александровича и многое ему прощал.

Вдова Фадеева, актриса МХАТ Ангелина Степанова, рассказывала, как Сталин позвонил Фадееву, который недели две отсутствовал на работе.

– Где вы пропадали, товарищ Фадеев?

– Был в запое, – честно ответил Фадеев.

– А сколько у вас длится такой запой?

– Дней десять-двенадцать, товарищ Сталин.

– А не можете ли вы, как коммунист, проводить это мероприятие дня в три-четыре? – поинтересовался вождь.

Это, конечно, байка, но какие-то особые отношения между ними существовали.

Отец Фадеева, Александр Иванович, крестьянин, к тридцати годам окончил гимназию и стал учителем. Он был близок к народовольцам и попал в тюрьму. Его будущая жена пришла к нему на свидание, выполняя партийное поручение, а потом влюбилась в необычного узника. Фадеев родился в железнодорожной больнице при станции Кимры.

Но брак оказался неудачным. Отец ушел из семьи, оставив жену с тремя детьми. Фадеев тяжело переживал потерю отца, но заставил себя о нем не вспоминать. Его мать вновь вышла замуж – за фельдшера Глеба Свитыча, сына польского революционера.

Александр Фадеев вообще вырос в революционном окружении. Одного из его двоюродных братьев, Всеволода Симбирцева, оккупировавшие Дальний Восток японцы сожгли в паровозной топке вместе с героем Гражданской войны Сергеем Лазо. Второй двоюродный брат, Игорь Симбирцев, раненный в бою с белыми под Хабаровском, чтобы не попасть в плен, застрелился. Сам Фадеев юношей вступил в партизанский отряд, сражался за установление советской власти

на Дальнем Востоке, был ранен.

В двадцать лет, избранный делегатом X съезда партии, он приехал в Москву. Прямо во время работы съезда примерно триста делегатов, имевших военный опыт, отправили в Петроград и распределили по воинским частям, которым предстояло атаковать мятежный Кронштадт. Красноармейцы не горели желанием сражаться против кронштадтских матросов. Делегаты съезда должны были поднять их в бой.

Здесь Фадеев получил второе ранение. Пять месяцев он пролежал в госпитале. Поправившись, поступил в Горную академию, но курс наук не осилил. Учиться вчерашнему партизану было трудновато. Он перевелся в Электротехнический институт. Но недоучился, потому что после смерти Ленина его мобилизовали на партийную работу. Фадеева командировали в Краснодар – инструктором областного комитета, потом утвердили секретарем райкома.

Здесь у Фадеева проснулся литературный дар. Начал писать. Его первые рассказы печатал журнал «Молодая гвардия». Фадеев твердо решил стать писателем, но его не отпускали с партийной работы. Он обратился за помощью к Розалии Самойловне Землячке, которая была членом Юго-Восточного бюро ЦК, с просьбой способствовать его возвращению в Москву или переводу в газету.

Землячка, в ту пору влиятельнейшая фигура среди большевиков, прониклась симпатией к красивому и искреннему молодому человеку. Она распорядилась поддержать моло-

дой талант. Фадеева перевели редактором отдела партийной жизни в газету «Советский юг», выходившую в Ростове-на-Дону. Он приступил к работе над лучшим, пожалуй, своим романом «Разгром». Ему даже дали творческий отпуск для работы. В сентябре 1926 года он с готовой рукописью вернулся в Москву.

«Разгром» сделал его знаменитым.

Забавно, что цензура прицепилась даже к такому благонамеренному автору, как Фадеев. Бдительный цензор заметил, что страницы «Разгрома» «пестрят недопустимыми словами и выражениями». Разрешение на выпуск книги Главное управление по делам литературы и издательств (Главлит) при наркомате просвещения выдало «при условии внесения следующих изменений:

Стр. 12 – исключить слова «твою мать».

Стр. 19 – исключить слова «на передок слаба».

Стр. 62 – исключить со слов «заделаешь тебе», кончая словами «не поспеваешь».

Стр. 72 – исключить слова «твою мать».

Стр. 139 – исключить слова «в бога мать».

Стр. 144 – исключить слова «твою мать».

Фадеев, даже став членом ЦК, не посмел восстановить в тексте романа слова, выброшенные цензурой...

«Разгром» десятилетиями изучали в школе. Роман входил в обязательный курс советской литературы. Многие читали его с удовольствием. Но «Разгром» был лишь началом пу-

ти, как справедливо заметила его первая жена Валерия Анатольевна Герасимова, великолепной заявкой. Герасимова, с которой Александр Александрович познакомился в Ростове-на-Дону, сама занималась литературным трудом, редактировала журнал «Смена».

Если бы Фадеев продолжал упорно трудиться над словом, он явно стал бы хорошим прозаиком. Но Фадеев выбрал другую жизнь: вместо ежедневной работы за письменным столом – заседания, совещания, руководящая деятельность в Союзе писателей. Сыграли свою роль его бурный политический темперамент, окружение, да и исторические обстоятельства.

В Москве молодого писателя с опытом партийной работы сразу же избрали оргсекретарем Российской ассоциации пролетарских писателей (РАПП), образованной в январе 1925 года. Это была крайне агрессивная организация, которая считала, что главное для литературы – переводить стоявшие перед советской властью задачи «с политического языка партийных документов на художественный язык образов». В ассоциацию входили писатели-коммунисты, поставившие перо на службу партии.

Генеральным секретарем РАПП был молодой литературный критик Леопольд Леонидович Авербах. Он в шестнадцать лет стал членом партии, в девятнадцать – редактором журнала «Молодая гвардия», в тридцать три – руководителем РАПП. Кроме того, он редактировал журналы «На лите-

ратурном посту» и «Вестник иностранной литературы».

Его карьере способствовали родственные связи. Он был племянником Якова Михайловича Свердлова, шурином будущего наркома внутренних дел Генриха Григорьевича Ягоды, да еще и женился на дочери Владимира Дмитриевича Бонч-Бруевича, который при Ленине был управляющим делами правительства. Впрочем, родственные связи не спасут Авербаха в годы большого террора.

Российскую ассоциацию пролетарских писателей распустили постановлением ЦК в апреле 1932 года. Сталин больше не хотел делить писателей на пролетарских и непролетарских. Они все должны были служить советской власти – или исчезнуть. Рапповцев обвинили в том, что они разъединяют писателей на группы, хотя давно настало время объединяться.

Для Фадеева ликвидация РАПП была как гром с ясного неба. Он возмущенно писал секретарю ЦК Лазарю Моисеевичу Кагановичу, который ведал всеми организационными делами в партийном аппарате:

«Я должен сказать Вам, что текст извещения о ликвидации РАППа незаслуженно оскорбителен для меня, человека, уже не первый день состоящего в партии и служившего ей верой и правдой в самые трудные моменты революции.

Ведь подписанием этого текста я, в ряду других товарищей, должен признать, что по крайней мере восемь лет моей зрелой партийной жизни ушло не на то, чтобы бороться за

социализм на литературном участке этой борьбы, ушло не на то, чтобы бороться за партию и ее ЦК с классовым врагом, а на какую-то групповщину и кружковщину, в которой я должен – в ряду других товарищей, боровшихся со мной плечом к плечу, расписаться всенародно на посмешище всем врагам пролетарской литературы».

Возмутились и другие видные рапповцы.

Но характер Фадеева проявился в том, что он преодолел обиду и быстро осознал, что ЦК всегда прав. Через день, 12 мая, Сталин и Каганович информировали членов политбюро:

«Ввиду того, что тт. Фадеев, Киршон, Авербах, Шолохов, Макарьев взяли свои заявления обратно и признали свою ошибку, считать вопрос исчерпанным».

В дальнейшем Александр Александрович не возмущался резкими поворотами партийной линии, а воспитал в себе умение с готовностью принимать любые указания. И вскоре принял участие в уничтожении недавних товарищей по руководству РАПП.

Максим Горький возражает

В мае 1932 года постановлением оргбюро ЦК Фадеева включили в состав организационного комитета Союза советских писателей, которому предстояло превратиться в своеобразное министерство по делам литературы. Максим Горький сопротивлялся этому назначению. Он писал Сталину 2 августа 1934 года:

«Фадеев остановился в своем развитии, что, впрочем, не мешает его стремлению играть роль литературного вождя, хотя для него и литературы было бы лучше, чтобы он учился».

Горький хотел сам подобрать писателей, которые могли бы возглавить союз. Он, в частности, намеревался сделать Леопольда Авербаха одним из руководителей нового Союза писателей, но этому, напротив, воспротивился Сталин. Он числил Авербаха среди молодых сторонников недавного члена политбюро Николая Ивановича Бухарина, которые подлежали уничтожению.

Авербаха убрали из Москвы назначили секретарем Орджоникидзевского райкома партии в Свердловск. 4 апреля 1937 года его арестовали, 14 июня приговорили к высшей мере наказания в особом порядке, то есть без суда...

Сталин командировал в Союз писателей молодого партийного работника – заместителя заведующего орготделом

ЦК Александра Сергеевича Щербакова. Он стал секретарем только что созданного Союза советских писателей (то есть играл роль комиссара при Максиме Горьком). Подобранные Щербаковым и утвержденные Сталиным руководящие писательские кадры вызывали у Горького протест. Он обратился с письмом в ЦК:

«Писатели, которые не умеют или не желают учиться, но привыкли играть роли администраторов и стремятся укрепить за собой командующие посты, – остались в незначительном меньшинстве. Их выступления на съезде были идеологически тусклы и обнаружили их профессиональную неграмотность.

Эта малограмотность позволяет им не только не понимать необходимость повышения качества их продукции, но настаивает их против признания этой необходимости, – как это видно из речей Панферова, Ермилова, Фадеева, Ставского и двух-трех других.

Однако т. Жданов сообщил мне, что эти люди будут введены в состав правления Союза. Таким образом, люди малограмотные будут руководить людьми значительно более грамотными, чем они».

Именно эти люди, названные Горьким малограмотными, долгие годы руководили советской литературой.

Правда, после первого съезда писателей осенью 1934 года Фадеев, который еще хотел писать, на год уехал в родные места – на Дальний Восток. Он писал там роман «Последний из

удэге» – о том, как преобразуется жизнь в советской стране. Роман так и остался неоконченным.

Фадеева отозвали в Москву и посадили на организационную работу в Союзе писателей. Первоначально он был на вторых ролях, но умело пережил склоки и интриги в аппарате Союза и после массовых репрессий стал писательским начальником. Постановление политбюро от 25 января 1939 года, утвердившее Фадеева секретарем президиума правления Союза писателей, зафиксировало его руководящее положение в литературном ведомстве. Он руководил союзом с присущими ему энергией и темпераментом.

Разговор с товарищем сталиным

«Он выработал особый стиль прохода по коридору или залам клуба писателей, – вспоминал хорошо знавший его Евгений Долматовский, – поднимет голову, смотрит куда-то вверх и вбок – никто не подойдет с просьбами...»

Он обладал удивительным умением переходить от одного дела к другому, от одного собеседника к другому, словно переворачивал лист книги. Некоторые писатели на него обижались – только что внимательно выслушал, улыбнулся, что-то доверительно шепнул и тут же отвернулся и занялся другим вопросом, другим разговором или чтением».

Руководитель союза соблюдал дистанцию в отношениях с писателями и демонстрировал демократизм в отношениях с обслуживающим персоналом. Это называлось партийной простотой.

Писатель Корней Чуковский вспоминал, как Фадеева показывал артистичный Иракий Андроников:

«Андроников выпрямляется, словно проглотив аршин, напряживает шею, закидывает голову, шагает сквозь толпу приветствующих его литераторов, как сквозь чащу кустарников, ни с кем не здоровается, не отвечает на многоголовое: «Здравствуй, Саша», «Здравствуйте, Александр Александрович», – и вдруг видит в сторонке уборщицу: здравствуйте, тетя Маруся...»

Фадеев пережил эпоху Большого террора, прекрасно понимая, что происходит в стране. Напутствуя в тридцать седьмом одного писателя перед поездкой на Дальний Восток, объяснял:

– Постарайся быть сдержанным, будь осторожен. Прибывших в город уполномоченных начальники обычно приглашают к себе ночевать. Не поддавайся, ночуй в гостиницах, в доме колхозника. Ночью могут за ними прийти, вот и придется тебе вставать с раскладушки и подписывать протокол.

Никакая осторожность не спасла бы самого Фадеева. И на него в НКВД тоже собирали показания.

12 ноября 1955 года литературный критик Иван Макарьев, который девятнадцать лет провел в лагерях, обратился Фадееву с просьбой написать о нем отзыв для

Комиссии партийного контроля, которая должна была восстановить его в партии: «Меня о тебе в свое время допрашивали с полмесяца. Думаю, что я могу попросить у тебя в обмен за это десять минут».

Переживший лагеря писал Фадееву: «Сам я, конечно, не тот уже Ванька Макарьев, которого ты знал, а больной и искалеченный старик... Могу тебе сказать, что в очень сложной обстановке этих двух десятилетий я держал себя как коммунист – так мне, по крайней мере, кажется».

Этот несчастный человек считал, что он все еще должен доказывать свою невиновность и преданность стране, а не принимать извинения за то, что с ним сделали...

Сталин пожелал сохранить Фадеева, и собранные чекистами показания не понадобились. В 1939 году вождь включил Александра Александровича в состав ЦК партии. 21 декабря пригласил на свое шестидесятилетие. Вечером в Екатерининском зале Кремля состоялся ужин по случаю юбилея вождя. Собралось всего человек семьдесят-восемьдесят. Так что приглашение было знаком особого расположения.

Писатель Корнелий Люцианович Зелинский оставил крайне любопытные воспоминания о своих разговорах с Александром Александровичем Фадеевым. Зелинский пришел к Фадееву жаловаться на то, что его вызывали на Лубянку, угрожали.

Александр Александрович отмахнулся:

– Подумаешь, кто-то тебя там оскорбил, кто-то на тебя возвысил голос. Ты на фронте, вот что ты должен помнить.

Фадеев рассказал Зелинскому о том, как в 1937 году он сам присутствовал на съезде компартии Грузии и покритиковал потом в письме Сталину культ первого секретаря республиканского ЦК Берии. Берия это запомнил. Прошло время, Лаврентий Павлович стал наркомом внутренних дел. Аресты продолжались. Фадеев был очень лояльным человеком, но иногда пытался вступить за кого-то из тех, кого знал и любил.

Сталин недовольно сказал ему:

– Все ваши писатели изображают из себя каких-то недоτροг. Идет борьба, тяжелая борьба. Ты же сам прекрасно зна-

ешь, государство и партия с огромными усилиями вылавливают всех тех, кто вредит строительству социализма, кто начинает сопротивляться. А вы, вместо того чтобы помочь государству, начинаете разыгрывать какие-то фанаберии, писать жалобы и тому подобное.

Тем не менее, когда арестовали женщину, которую он хорошо знал, Фадеев письменно поручился за нее. Прошло несколько недель, прежде чем ему ответили. Позвонили домой:

– Товарищ Фадеев?

– Да.

– Письмо, которое вы написали Лаврентию Павловичу, он лично прочитал и дело это проверил. Человек, за которого вы лично ручались своим партийным билетом, получил по заслугам. Кроме того, Лаврентий Павлович просил меня – с вами говорит его помощник – передать вам, что он удивлен, что вы, как писатель, интересуетесь делами, которые совершенно не входят в круг ваших обязанностей как руководителя Союза писателей и как писателя.

Секретарь Берии повесил трубку, не ожидая ответа.

– Мне дали по носу, – заключил Фадеев, – и крепко.

Но совсем ссориться с писателем номер один, которому Сталин откровенно симпатизировал, Лаврентий Павлович не хотел и однажды позвал Фадеева в гости на дачу. После ужина пошли играть в бильярд. Берия заговорил о том, что в Союзе писателей существует гнездо крупных иностран-

НЫХ ШПИОНОВ.

Фадеев ответил, что нельзя обращаться с писателями, как с ними обращаются в НКВД, что требования доносов нравственно ломают людей.

Берия зло сказал ему:

– Я вижу, товарищ Фадеев, что вы просто хотите помешать нашей работе.

Фадеев, по его словам, ответил не менее жестко:

– Довольно я видел этих дел. Таким образом всех писателей превратите во врагов народа.

Берия разозлился. Фадеев улучил минуту и сбежал с дачи, пошел в сторону Минского шоссе. Внезапно он увидел машину, отправленную ему вдогонку:

– Я понял, что эта машина сейчас собьет меня, а потом Сталину скажут, что я был пьян.

Руководитель Союза писателей и член ЦК спрятался в кустах, дождался, когда преследователи исчезнут, потом долго шел пешком, пока не сел на автобус...

Но это рассказ самого Фадеева, который после смерти вождя склонен был видеть себя защитником несправедливо обиженных. Документы рисуют иную картину.

Вот характерный пример.

29 января 1937 года Фадеева вызвали в Комиссию партийного контроля при ЦК для беседы о судьбе писателя Ивана Катаева. За этим талантливым писателем давно присматривали сотрудники секретно-политического отдела главного

управления государственной безопасности НКВД.

Чекистам даже и стараться не надо было. Им активно помогали братья-писатели. В конце августа 1936 года два дня заседала партгруппа правления Союза писателей, разоблачавшая врагов в собственных рядах.

29 августа отдел культурно-просветительской работы ЦК докладывал секретарям ЦК Кагановичу, Андрееву и Ежову:

«В процессе обсуждения был вскрыт ряд важных фактов. Писатель Иван Катаев (член партии с 1919 года) в 1928 году ездил к сосланному в Липецк троцкисту Воронскому за директивами о работе литературной группы «Перевал». Активные связи с осужденными троцкистами Катаев поддерживал систематически, оказывая им денежную помощь... Решением партгруппы постановлено исключить Ивана Катаева из партии».

Литературный критик Александр Константинович Воронений, за встречу с которым исключали из партии, был когда-то видным литератором, редактором журнала «Красная новь». Он много сделал для развития отечественной литературы, но имел несчастье во время внутривнутрипартийных дискуссий поддержать точку зрения Троцкого. В январе 1929 года Воронского арестовали и приговорили к пяти годам заключения в политизоляторе. За него вступился кандидат в члены политбюро Серго Орджоникидзе, и Воронского сослали в Липецк в 1929 году. Потом разрешили вернуться, дали работу. В годы массовых репрессий, когда Орджоникидзе не

стало, вновь арестовали и расстреляли.

Фадеев после беседы в Комиссии партийного контроля сформулировал свое отношение к обреченному Катаеву в письменной форме и отослал партийным инквизиторам:

«Знаю Ив. Катаева с 1926 г. Знаю, что во все время нашего знакомства и в разговорах, и на партийных собраниях выступал и голосовал против уклонов, в том числе и против троцкизма. Но принадлежал к литературной группе «Перевал», созданной по инициативе Воронского, создавшего там троцкистское ядро. Несомненно, не понимая того, что группа используется троцкистами, либеральничал.

Я всегда считал его человеком честным, прямодушным, и потому возможность его связи с врагами народа теперь тоже мне кажется маловероятной. Однако по разговору с ним некоторое время спустя после его исключения я понял, что в нем по-прежнему не изжиты интеллигентские пережитки и что человек он недостаточно авангардный, «расплывающийся» в беспартийном окружении, малоспособный вести за собой.

Писатель он даровитый. Творчество его, будучи коммунистическим по мировоззрению, тоже всегда несло интеллигентские пережитки ложно понимаемого «гуманизма».

Как оценить такую характеристику? С одной стороны, Фадеев благородно назвал Катаева честным человеком и даровитым писателем, то есть не толкнул в спину падающего человека, не стал его добивать. А, с другой стороны, не посмел

вступиться за коллегу, в невиновности которого внутренне был уверен, а предположил, что не все с ним чисто. Впрочем, а кто в те времена вступался за товарищей и друзей?

Ивана Катаева 18 марта 1937 года арестовали, а 19 августа приговорили к расстрелу. После XX съезда Катаева реабилитировали. Вдова, поэт Мария Кузьминична Терентьева, издала в шестидесятые годы книгу его прозы. Писателя уничтожили, когда он еще только входил в творческую силу.

Дарованное Сталиным положение сделало Фадеева одним из самых заметных людей в стране. Он был окружен почетом, ему разрешалось ездить за границу. За несколько докладов научный совет Института мировой литературы имени М. Горького присудил ему научную степень доктора филологических наук без защиты диссертации.

Но за все следовало платить, и Фадеев подписывал бумаги, которые обрекали на смерть подведомственных ему писателей. Иногда проявлял инициативу и сам натравливал ЦК и госбезопасность на писателей, которых уничтожали.

Сталин учил своего любимца:

– Имейте в виду, Фадеев, люди обкатываются, как камешки морской водой. Но вы не умеете обкатывать людей – вот ваша беда. Политик не имеет права быть чересчур впечатлительным. Мало ли какие бывают у людей острые углы, жизнь их обтачивает в интересах общего дела...

Александр Александрович старался.

Попойка на квартире Булгаковых

Фадеев нравился вождю даже чисто по-человечески. Вождь подарил Александру Александровичу должность генерального секретаря, сделал его «писательским Сталиным». Фадееву сходило с рук то, что другим стоило бы жизни.

Он запил в начале войны, вернувшись с фронта, – не выдержал того, что увидел. Запил и исчез, не появлялся в доме на улице Воровского, где находился аппарат Союза писателей. Его подчиненные привыкли к внезапным исчезновениям своего руководителя. Но Фадеев срочно понадобился секретарю ЦК Александру Сергеевичу Щербакову, который отыскал его с помощью чекистов.

Фадеев терпеть не мог Щербакова:

«Я ненавижу Щербакова за то, что он кичился своей бюрократической исполнительностью, своей жестокостью бесчеловечного служаки».

По указанию Щербакова партийные органы провели следствие. Установление истины не составило труда. Фадеева решили наказать. 23 сентября 1941 года политбюро утвердило постановление бюро Комиссии партийного контроля при ЦК:

«По поручению Секретариата ЦК ВКП(б) Комиссия Партийного Контроля рассмотрела дело о секретаре Союза со-

ветских писателей и члене ЦК ВКП(б) т. Фадеев А.А. и установила, что т. Фадеев А.А., приехав из командировки с фронта, получив поручение Информбюро, не выполнил его и в течение семи дней пьянствовал, не выходя на работу, скрывая свое местонахождение. При выяснении установлено, что попойка происходила на квартире артистки Булгаковой.

Как оказалось, это не единственный факт, когда т. Фадеев по несколько дней подряд пьянствовал. Аналогичный факт имел место в конце июля текущего года. Факт о попойках т. Фадеева широко известен в писательской среде.

Бюро КПК при ЦК ВКП(б) постановляет:

считать поведение т. Фадеева А.А. недостойным члена ВКП(б) и особенно члена ЦК ВКП(б), объявить ему выговор и предупредить, что если он и впредь будет продолжать вести себя недостойным образом, то в отношении его будет поставлен вопрос о более серьезном партийном взыскании».

Елена Сергеевна Булгакова, у которой скрывался Фадеев, – это вдова писателя Михаила Булгакова, автора знаменитого романа «Мастер и Маргарита». Фадеев хорошо относился к Булгакову, а еще лучше к его вдове.

Фадеев отделался выговором, хотя в военное время такую эскападу могли бы приравнять к дезертирству. Это была личная милость вождя.

Во время поспешной эвакуации из Москвы в октябре сорок первого Фадеев опять попал в черный список. Его обви-

нили том, что он фактически бежал из столицы и бросил товарищей-писателей на произвол судьбы. Эвакуированные в Ташкент писатели были недовольны Фадеевым, считая, что он перестал руководить Союзом писателей и плохо заботится о литераторах.

В эти трудные годы и месяцы Фадеев, оказавшийся в Куйбышеве, и в самом деле метался, не зная, чем занять себя. 13 декабря 1941 года Фадеев написал оправдательную записку секретарям ЦК Сталину, Андрееву и Щербакову:

«Среди литераторов, находящихся в настоящее время в Москве, распространяется сплетня, будто Фадеев «самовольно» оставил Москву, чуть ли не бросив писателей на произвол судьбы...

Я выехал под утро 16 октября после того, как отправил всех писателей, которые были мне поручены, и получил указание выехать от Комиссии по эвакуации через тов. Косыгина...

Работа среди писателей (в течение пятнадцати лет) создала мне известное число литературных противников. Как это ни мелко в такое время, но именно они пытаются выдать меня сейчас за «паникера».

Это обстоятельство вынуждает меня сказать несколько слов о себе. Я вступил в партию в период колчаковского подполья, был участником Гражданской войны (от рядового бойца и политрука пулеметной команды до комиссара бригады), участвовал в штурме Кронштадта в 1921 г. и дважды

был ранен.

Я делал немало ошибок, промахов и проступков. Но на всех самых трудных этапах революции, включая и современный, я не был просто «поддерживающим» и «присоединяющимся», а был и остался активным борцом за дело Ленина и Сталина. Изображать меня «паникером» – это глупость и пошлость.

Как и многие большевики, я с большой радостью остался бы в Москве для защиты ее, и как у многих большевиков, все мои помыслы и желания направлены к фронту.

Если бы мне разрешили выехать на фронт в качестве корреспондента или политработника, я смог бы принести пользы не меньше других фронтовых литераторов».

Не дожидаясь ответа на письмо, на следующий день он отправил секретарю ЦК Андрееву короткую телеграмму:

«Прошу разрешить выехать на Западный фронт».

Андреев переправил телеграмму начальнику главного политуправления Красной армии Льву Захаровичу Мехлису, человеку резкому и несентиментальному. Тот ответил немедленно:

«Писатель Фадеев прислал телеграмму с просьбой посодействовать перед ЦК ВКП(б) о направлении его на фронт в качестве корреспондента, как будто ему кто-то мешает. Прошу Вас передать Фадеева на несколько месяцев в распоряжение ГлавПУРККА, а мы заставим его обслуживать армию художественным словом».

Но Щербаков возразил против отправки Фадеева на фронт, считая, что он должен работать в Союзе писателей. Во время войны Сталин не то, чтобы охладел к Александру Александровичу, но во всяком случае другие литераторы выдвинулись на первый план, те, кто был на фронте и писал на военные темы, прежде всего молодой Константин Михайлович Симонов, чья поэзия и драматургия оказались созвучными настроениям солдат и офицеров действующей армии.

19 января 1944 года Фадеев был освобожден от руководства Союзом писателей. Вместо него поставили беспартийного большевика – поэта Николая Семеновича Тихонова, известного своими стихотворными строчками о коммунистах:

*Гвозди б делать из этих людей:
Крепче б не было в мире гвоздей.*

Николай Тихонов обладал внушительной фигурой, говорил степенно и убедительно, поэтому его неизменно определяли на высокие должности, но обычно представительского характера. Он не обладал энергией и организаторскими способностями Фадеева. Да и вождь все-таки привык к Фадееву, так что опала была недолгой. 13 сентября 1946 года оргбюро ЦК приняло решение о смене руководства Союза советских писателей.

Николая Тихонова освободили от должности председателя правления ССП. Саму должность упразднили. Ввели пост

генерального секретаря, назначили на этот пост Фадеева, а его заместителями сделали того же Тихонова, Константина Симонова, драматургов Всеволода Вишневского и Александра Корнейчука, автора пьесы «Фронт», которую редактировал сам Сталин.

Писателя Бориса Горбатова Сталин предложил сделать секретарем партийной группы правления. По воспоминаниям Симонова, Фадеев был крайне недоволен. Он хотел бы руководить и работой партгруппы, а то получилось, что и к нему приставили комиссара. Для него это было непривычно. Он сам привык быть комиссаром.

Когда главой Союза писателей избрали Тихонова, известный питерский писатель Михаил Зощенко заметил:

«Страшная вещь: на Фадеева раньше нападали многие, а теперь все в Москве изменилось: Фадеева Москва все-таки любит, а Тихонова – нет, так как Фадеев – человек, любящий советскую литературу, а Тихонов – человек холодный, равнодушный...»

Доносы на друзей

22 февраля 1947 года постановлением политбюро Фадеев возглавил комитет по Сталинским премиям в области литературы и искусства. Присуждение премий, в котором участвовал сам вождь, превращалось в расширенное совещание по идеологическим вопросам. Сталин неизменно высказывал свое мнение, когда речь шла о книгах. Он придавал литературе особое значение и сам много читал. Другие виды искусств его интересовали значительно меньше. Он принимал окончательное решение, кому какую премию дать, но к мнению Фадеева прислушивался.

Это позволяло Александру Александровичу чувствовать себя уверенно в разговорах с другими руководителями партии. Он позволил себе открыто возражать новому секретарю ЦК по идеологическим вопросам Михаилу Андреевичу Суслову. На заседании комитета по Сталинским премиям Суслов высказался против кандидатуры выдвинутого на премию татарского поэта. Фадеев взвился:

– Товарищ Суслов, а вы читали его стихотворения? Читать нужно, товарищ Суслов, а уже потом высказывать свое мнение.

Суслов проглотил невероятно резкую по тем временам реплику Александра Александровича. Только Фадееву такие слова могли сойти с рук.

Послевоенные годы оказались тяжелыми для литературы и искусства. Константин Симонов рассказывал, как Сталин собрал у себя руководство Союза писателей. И стал говорить о «неоправданном преклонении перед заграничной культурой».

– Эта традиция идет от Петра. У Петра были хорошие мысли, но вскоре налезло слишком много немцев, это был период преклонения перед немцами. Сначала немцы, потом французы, было преклонение перед иностранцами-засранцами, – Сталин позволил себе неприлично пошутить. – У военных тоже было такое преклонение. Теперь стало меньше...

По всей стране развернулась борьба с «низкопоклонством перед Западом». Все, что шло из западных стран, даже в точных науках, называлось реакционным. Ученым приходилось вычеркивать ссылки на иностранных авторов. Таким примитивным образом утверждался приоритет отечественной науки.

Советских писателей старательно отгораживали от иностранных коллег, от мировой литературы. Фадеев писал члену политбюро Вячеславу Михайловичу Молотову, ведавшему международными делами:

«1-й Европейский отдел МИД СССР направил нам полученные из посольства СССР в Бельгии материалы о созыве 11–15 сентября в Бельгии международного конгресса поэтов.

Конгресс организуется бельгийским «Домом поэтов»

и комиссариатом туризма Министерства коммуникации Бельгии. Приглашения посланы представителям всех стран, входящих в ЮНЕСКО, а также представителям СССР.

Советское посольство в Бельгии, как сообщил нам и.о. заведующего 1-м Европейским отделом МИД тов. Сергеев, «считает выгодным для дела пропаганды советской поэзии в Бельгии и других странах» принятие этого приглашения...

Секретариат Союза советских писателей СССР со своей стороны не считает целесообразным участием советских поэтов поддерживать эту эстетскую, совершенно невлиятельную организацию и просит разрешения отклонить участие в этом конгрессе...»

Вот ведь как ставил вопрос Фадеев. Даже осторожные дипломаты считали полезным приезд советских поэтов. Но глава Союза писателей твердо проводил партийную линию – никаких контактов с вредоносным Западом.

В 1948 году Фадеев отправил Сталину и секретарю ЦК Георгию Максимилиановичу Маленкову самый настоящий донос на две прекрасные и веселые книги:

«Секретариат Союза Советских Писателей считает грубой политической ошибкой издательства «Советский писатель» выпуск в свет книги Ильфа и Петрова «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок»...

Секретариат считает недопустимым издание этой книги, потому что она является клеветой на советское общество... Авторы позволяют себе вкладывать в уста всяких проходим-

цев и обывателей пошлые замечания в духе издевки и зубо-скальства по отношению к историческому материализму, к учителям марксизма, известным советским деятелям, советским учреждениям...»

В те годы в Союзе писателей, как и в других идеологических учреждениях, развернулась борьба с «сионистами» и «космополитами», которая оказалась выгодным делом. После подметных писем и открыто антисемитских выступлений освобождались места и должности. Карьеры стали делаться почти так же быстро, как и в 1937 году, когда расстреливали вышестоящих, открывая дорогу нижестоящим. Еще оставалось некоторое количество евреев на достаточно заметных местах; они вносили вклад в науку, медицину, искусство. В первую очередь с ними боролись как с конкурентами.

8 февраля 1949 года политбюро ЦК постановило:

«Принять предложения правления Союза советских писателей СССР (т. Фадеева):

а) о роспуске объединений еврейских писателей в Москве, Киеве и Минске;

б) о закрытии альманахов на еврейском языке «Геймланд» (Москва) и «Дер Штерн» (Киев)»

Фадеев презирал антисемитов, но лично возглавил антисемитскую кампанию в советской литературе. 28 января 1949 года в «Правде» появилась большая статья «Об одной антипатриотической группе театральных критиков». Моло-

дому читателю, наверное, даже трудно понять, почему статья, посвященная как бы узко цеховому вопросу, привела к тяжелейшим последствиям, искалечившим общество.

Театральных критиков, которые подвергли взыскательно-му анализу слабенькие пьесы неумелых драматургов, выставили злыми противниками русской культуры. Там, где был профессиональный разбор пьесы, увидели злой умысел. Пьесы разбирались невероятно плохие, зрители на них не ходили, но авторы были людьми известными, при должностях, со связями. Они нашли способ сквитаться с критиками. Поскольку «антипатриотическую группу критиков» подобрали почти из одних евреев, то кампания приобрела политическое звучание. Это был сигнал к поиску внутренних врагов, что, судя по всему, должно было стать обоснованием нового большого террора.

В те годы было уничтожено все, что можно было уничтожить: еврейские театры, еврейские газеты и журналы, книжные издательства. А ведомство госбезопасности вело дело к уничтожению и всех носителей еврейской культуры.

Писатели старшего поколения навсегда запомнили тот день, когда Фадеев на пленуме правления Союза советских писателей со свойственным ему пылом произносил обличительный доклад о «космополитах». Твардовский когда-то подметил в его ораторской манере «натужный пафос и напряженную рыдательную задушевность»... В разгар его выступления в Дубовом зале Центрального дома литераторов

погас свет. Внесли свечи, и Фадеев продолжил свою мрачную речь при свечах.

Люди, которых он называл врагами советской литературы, были ему прекрасно известны. Еще недавно он их подерживал как талантливых искусствоведов и знатоков театра. С некоторыми дружил. И всех их он предал. Такова была цена, которую он платил за свое высокое кресло. Говорят, впоследствии Фадеев каялся, что принял участие в этом позорном деле. Выпив, он говорил, что его вызвали в ЦК и заставили произнести этот доклад:

– Что я мог ответить Иосифу Виссарионовичу? Что я мог?

Но он не только исполнял указания сверху, но и проявлял инициативу. 21 сентября 1949 года Фадеев обратился в ЦК с личным доносом:

«В связи с разоблачением группок антипартийной критики в Союзе советских писателей и Всероссийском театральном обществе, обращаю внимание ЦК ВКП(б) на двух представителей этой критики, нуждающихся в дополнительной политической проверке, поскольку многие данные позволяют предполагать, что эти люди с двойным лицом.

Дайреджиев Б.Л., член ВКП(б) с 1919 года. Дайреджиев появился в литературной критике в период существования РАПП как активный «деятель» антипартийной группы Литфронт, вожаками которой были враги народа Костров, Беспалов, Зонин. В начале 30-х годов выпустил троцкистскую книгу «На отмели» с предисловием ныне арестованного А.

Зонина, книгу, содержащую клеветнические утверждения о перерождении партии. Трудно представить себе, как в те годы Дайреджиев сохранил партийный билет, будучи автором этой антипартийной книги...

После войны начал довольно активно выступать в печати и на собраниях со статьями, ставящими своей целью дискредитировать темы советского патриотизма и ниспровергнуть многие лучшие произведения советской литературы...

Альтман И.Л. родился в гор. Оргееве (Бессарабия). Свой путь начал с левых эсеров в 1917–1918 годы В ВКП(б) вступил в 1920 году. Принадлежал к антипартийной группе в литературе Литфронт. Свою литературную деятельность начал с большой работы о Лессинге, в которой проводил взгляд о приоритете Запада перед Россией во всех областях идеологии. Будучи перед войной редактором журнала «Театр», проводил линию на дискредитацию советской драматургии на современные темы...

За извращение линии партии в вопросах театра и драматургии был снят с должности редактора журнала «Театр» постановлением ЦК ВКП(б)...

Следует дополнительно проверить факты тесного общения Альтмана с буржуазно-еврейскими националистами в еврейском театре и в Московской секции еврейских писателей, поскольку тесная связь Альтмана с этими кругами широко известна в литературной среде...

Со своей стороны считаю, что Дайреджиеву и Альтману

не место в партии и прошу ЦК ВКП(б) разрешить Секретариату Союза советских писателей поставить вопрос перед Президиумом об исключении Дайреджиева и Альтмана из Союза писателей».

Трудно представить, что столь коряво написанное письмо принадлежит руководителю Союза писателей, считавшему себя тонким стилистом. Донос тем поганее, что Альтман, фронтовик и старый коммунист, был другом Фадеева и по его личной просьбе пошел работать завлитом в еврейский театр и все об этом знали.

«Фадеев – талантливый человек, – рассказывал пенсионер Хрущев. – Но талантливых или даже гениальных писателей у нас все же хватало. Отчего же Сталин в послевоенное время особенно благоволил именно к Фадееву? Потому что Фадеев поддерживал линию на репрессии. И летели головы ни в чем не повинных литераторов».

30 августа 1952 года Фадеев написал Георгию Маленкову, который стал вторым человеком в руководстве страны, записку «Об очищении репертуара театров от идеологически порочных и антихудожественных произведений»:

«Секретариат Союза Советских Писателей считает совершенно недопустимым, что в действующем репертуаре наших театров и эстрады до сих пор продолжают находиться произведения лиц, арестованных и осужденных органами Советской власти за контрреволюционную деятельность.

Эти произведения открыто исполняются в широких ауди-

ториях, хотя многие зрители (слушатели) хорошо знают, что авторы этих произведений арестованы и осуждены органами Советской власти.

По справке Всесоюзного Управления по охране авторских прав, в 1952 году в театрах и особенно на эстраде довольно широко исполнялись произведения 13 репрессированных авторов (Л. Шейнина, И. Маклярского, М. Улицкого, Л. Рознера, Л. Хайта, Я. Смелякова, В. Козина и др.), хотя в большинстве случаев эти произведения являются идеологически порочными и антихудожественными и давно должны быть сняты с репертуара безотносительно к тому, арестованы и осуждены их авторы или нет.

Органы охраны авторских прав автоматически собирают за публичное исполнение таких произведений обязательные авторские отчисления, значительная часть которых нередко попадает в карманы родственников осужденных лиц...

Секретариат Союза Советских Писателей СССР просит ЦК ВКП(б) дать категорическое указание Главлиту и Комитету по делам искусств при Совете Министров СССР:

а) о запрещении издания и публичного исполнения произведений, написанных лицами, осужденными за контрреволюционную деятельность;

б) о более активном пересмотре (с участием Союза советских писателей СССР) действующего репертуара театров и эстрады и очищении его от идеологически порочных, антихудожественных и устаревших произведений».

Какой мелкой злобы исполнено это письмо! Его цель-лишить куска хлеба семьи несправедливо арестованных. В фадеевском списке – замечательный поэт Ярослав Смеляков, почитаемый и по сей день певец Вадим Козин, автор «Записок следователя» Лев Шейнин. Все они впоследствии были оправданы.

Конечно, Александр Александрович не походил на других литературных чиновников, для которых Союз писателей был просто кормушкой. В отличие от них он понимал и любил литературу. Фадеев собирал писателей и читал им написанное, плакал над собственными страницами. Выполняя свой партийный долг, изничтожал то, что считал политически вредным, хотя при этом прекрасно понимал, кто талантлив, а кто бездарен. И бдительно выискивал повсюду идеологическую крамолу.

В январе 1953 года Фадеев читал главы из поэмы Александра Твардовского «За далью даль». В рассуждениях о состоянии литературы он обнаружил политические двусмысленности и выговаривал автору:

«Есть у писателя в современной исторической обстановке более опасный враг, ибо он господствует во всех странах кроме стран нашего блока, а у нас чаще всего выступает троцкизмом, – носитель иллюзорной буржуазной «свободы», «свободы» от диктатуры рабочего класса, «свободы» от коммунистов и их руководства трудящимися, «свободы» от коммунистического мировоззрения, от партии коммунистов, от

их деятелей, в том числе и от их редакторов.

Твой удар будет верен, если ты в своем сознании будешь помнить и об этих врагах нашего народа и нашего писателя и не позволишь (даже единой запятой своей) примазаться этим сволочам к твоей справедливой критике».

Это были особые времена. Необходимость и готовность совершать паскудные поступки калечили даже приличных людей. Наблюдательный Корней Чуковский обратил внимание на то, что даже обычные человеческие эмоции и то стали опасны. Люди старались не реагировать, не показывать своего отношения! Вместо лиц – маски.

«У руководителей Союза писателей – очень неподвижные лица, – записывал в дневнике Корней Иванович. – Застывшие. Самое неподвижное – у Тихонова. Он может слушать вас часами и не выражать на лице ничего. Очень неподвижное у Соболева. У Фадеева, у Симонова. Должно быть, это – от привычки председательствовать.

Впрочем, я заметил, что в нынешнюю волевою эпоху вообще лица русских людей менее склонны к мимике, чем в прежние времена. Мое, например, лицо во всяком нынешнем общественном собрании кажется чересчур подвижным, ежеминутно меняющимся, и это отчуждает от меня, делает меня несолидным...»

Писавший детские стихи Корней Чуковский и представить себе не мог, в каком мире существовал Фадеев.

Однажды Александра Александровича вызвал Сталин:

– Слушайте, товарищ Фадеев, вы должны нам помочь. Вы ничего не делаете, чтобы реально помочь государству в борьбе с врагами. Мы вам присвоили громкое звание «генеральный секретарь Союза советских писателей», а вы не знаете, что вас окружают крупные международные шпионы.

– А кто же эти шпионы?

Сталин улыбнулся одной из тех своих улыбок, от которых некоторые люди падали в обморок и которые, как Фадеев знал, не предвещали ничего доброго.

– Почему я должен вам сообщать имена этих шпионов, когда вы обязаны были их знать? Но если вы уж такой слабый человек, товарищ Фадеев, то я вам подскажу, в каком направлении надо искать и в чем вы нам должны помочь. Во-первых, крупный шпион – ваш ближайший друг Павленко. Во-вторых, вы прекрасно знаете, что международным шпионом является Илья Эренбург. И наконец, в-третьих, разве вам не было известно, что Алексей Толстой английский шпион? Почему, я вас спрашиваю, вы об этом молчали? Почему вы нам не дали ни одного сигнала?..

Иногда даже Фадеева охватывал ужас. Комсомольский писатель Марк Борисович Колосов, который много лет был близок к Фадееву, рассказывал:

«Саша пришел. Выпил, но немного. И вдруг, зарывав, упал на пол (это с ним бывало). Он повторял: «Не могу... больше не могу».

В тот день Фадеев вернулся с заседания политбюро, на ко-

тором исключили из партии жену Молотова (ближайшего соратника Сталина!) Полину Семеновну Жемчужину. Затем ее посадили. Неизвестно, какие еще испытания ждали советскую литературу, но все кончилось в марте 1953 года.

5 марта поздно вечером в кабинете главного редактора «Правды» Дмитрия Трофимовича Шепилова собрались известные писатели – Симонов, Фадеев, Корнейчук. Пока они разговаривали, Шепилову позвонили по вертушке. Это было около десяти вечера. Дмитрий Трофимович снял трубку, выслушал, что ему сказали, и поделился новостью с остальными:

– Позвонили, что товарищ Сталин умер.

Переписка с вождями

Поначалу казалось, что никаких перемен не последует и новое руководство продолжит сталинский курс.

19 марта «Правда» поместила статью Фадеева «Гуманизм Сталина». В ней говорилось: «Сталин, как никто другой, определил великое гуманистическое значение художественной литературы как силы воспитания и перевоспитания человека в духе коммунизма, назвав писателей инженерами человеческих душ».

Фадеев и Симонов доложили в ЦК, что продолжают очищать Союз писателей от евреев, хотя ставшие у руля страны люди спешили откреститься от наиболее одиозных сталинских акций и уже решили реабилитировать и выпустить из тюрьмы «врачей-убийц».

Странно видеть в этом контексте имя Константина Симонова. В нашей памяти он не ассоциируется с гадкими страницами отечественной истории. Но, увы, и он принял участие в последних сталинских мерзостях. Очень молодым он был вознесен Сталиным на вершину славы и власти. За это придется платить. «И сам Константин Симонов, – писал известный писатель Даниил Данин, – будет публично лизать эту бьющую руку. И еще благодарить за то, что она протянута для лизания!»

Но отдадим должное Константину Михайловичу Симоно-

ву – в отличие от многих других своих современников он искренне сожалел о некоторых поступках в своей жизни и, что мог, небезуспешно старался исправить.

А тогда Хрущев был раздражен ненужными фадеевскими инициативами. Новые руководители страны, освободившиеся от Сталина, не собирались играть роль его наследников и вообще хотели, чтобы затянувшаяся панихида по вождю быстрее прекратилась. Заодно они пожелали сменить некоторые лица, прочно ассоциировавшиеся с вождем. Среди них значился и Фадеев.

Смерть Сталина стала для Александра Александровича тяжелым ударом, который, возможно, и предопределил его собственный уход из жизни. Во всяком случае при Сталине он был нужен власти, после смерти вождя новые руководители пожелали увидеть во главе Союза писателей кого-то другого. Фадеев олицетворял ушедшую эпоху, он сам был Сталиным в Союзе писателей.

Он был просто влюблен в Сталина, восхищался им. Возможно, в определенном смысле вождь заменил ему отца, о котором Фадеев никогда не вспоминал, обиженный его уходом из семьи. Он так и не понял, как к нему относился Сталин. Тот выделял литературного начальника, благоволил к нему, но подлинное отношение вождя так и осталось для Фадеева загадкой.

– Иосиф Виссарионович, – говорил о нем Александр Александрович, – как известно, был большим артистом и по-

разному мог разговаривать – и с подковыркой, а когда нужно, мог и так человека увлечь, так приласкаться, такой натурой показаться, что, кажется, ты ему должен всю душу доверить.

Фадеев рассказывал Долматовскому:

– Когда я в присутствии Самого расчихался ужасно, Сталин даже всерьез спросил: не надо ли врача?

Однажды писательского генсека вызвали наверх, когда он мыл голову.

«Седина Фадеева, – писал Долматовский, – имела одну особенность – она быстро приобретала неровный желтый оттенок. Почему-то Фадеев очень стеснялся этого. Борьба с желтизной его седины велась при помощи обыкновенной хозяйственной синьки».

Он не успел домыть голову и предстал перед Сталиным с волосами синего цвета. Вождь посматривал на Фадеева с ухмылкой, но ничего не сказал. Хрущева поражало то, что Фадеев приходил пьяный на заседания комитета по Сталинским премиям. Сталин говорил членам политбюро:

– Еле держится на ногах, совершенно пьян.

Но все это сходило Фадееву с рук.

Писательница Валерия Герасимова, первая жена Александра Фадеева и двоюродная сестра известного кинорежиссера Сергея Аполлинариевича Герасимова, рано разобралась в происходящем и возненавидела Сталина. Однажды она с удивлением сказала сыну о бывшем муже:

– Знаешь, Саша искренне любит Сталина.

Александр Фадеев до последнего оставался солдатом партии. Но и у него отношение к Сталину, особенно после начавшихся разоблачений, быстро изменилось. Увидев после долго перерыва Валерию Герасимову, он вполголоса признался ей:

– Дышать стало легче.

24 марта 1953 года отдел художественной литературы и искусства ЦК направил секретарю ЦК Петру Николаевичу Поспелову записку «О неблагоприятном положении в Союзе советских писателей и реорганизации правления ССП». Записку подписал заведующий отделом ЦК Владимир Семенович Кружков. До этого он руководил Институтом Маркса-Энгельса-Ленина. Из этого документа следовало, что Фадеев больше не в фаворе:

«Генеральный секретарь ССП А. Фадеев по существу около двух лет не принимает участия в руководстве писательской организацией, лишь появляясь время от времени в Союзе писателей (год находился в творческой командировке и около года был болен)».

Александр Александрович перестал быть «писателем номер один». Его больше не приглашали в ЦК, мнения не спрашивали, совета не просили. Уязвленный Фадеев попытался вступить в переписку с новым руководством партии и государства.

Летом и осенью 1953 года Фадеев написал три обширные записки в ЦК: «О застарелых бюрократических извращени-

ях в деле руководства советским искусством и литературой», «Об улучшении методов партийного, государственного и общественного руководства литературой и искусством», «Об одной вредной передовице «Правды», о тяжелом положении МХАТа и еще раз о передаче идейно-художественного руководства искусством в руки партийных органов».

Он предлагал, чтобы ЦК напрямую руководил и театром, и кино, и музыкантами, минуя Министерство культуры и другие ведомства. Он писал и много справедливого, но его предложения были отвергнуты со ссылкой на то, что «его пессимистические оценки можно объяснить лишь оторванностью Фадеева от жизни творческих организаций и его болезненным состоянием».

Он пытался попасть на прием к секретарю ЦК Хрущеву и председателю Совета министров Маленкову. Его не принимали. Прежде такое было невозможно. Перед Фадеевым раскрывались двери любых кабинетов. Он переживал, нервничал, злился.

За сатирическую поэму «Теркин на том свете» Твардовского прорабатывали в ЦК и в июле 1953 года в первый раз сняли с поста главного редактора «Нового мира». Александр Трифонович запил и на президиуме ЦК отсутствовал. Фадеев ему за это попенял, хотя ему меньше других следовало на сей счет высказываться. Твардовский обращался к нему за душевной поддержкой. Фадеев не смог выдать из себя ни слова сочувствия. На президиуме ЦК он тоже распекал

Твардовского за мнимые ошибки. А после заседания поучал:

«Остаются только два пути: один, мужественный и честный путь, открытый для каждого сознательного члена партии, – продумать свои ошибки, признать их по совести и сообщить об этом письменно и путем устного разговора с первым секретарем. И второй путь – путь борьбы с партией, скверный и бесчестный путь...»

Федеев предложил освободить ведущих писателей от всех должностей, чтобы они могли писать. Но писательские генералы прекрасно понимали, что только руководящие должности в Союзе писателей, в журналах и издательствах дают им положение и материальные блага.

Издавали не по таланту, а по положению. В первую очередь выходили книги тех авторов, кто был при должности. И чем выше должность – тем больше книг, переизданий, сборников и собраний сочинений. Не говоря о том, что поездки за границу, возможность пользоваться кремлевской медициной и получать кремлевские пайки тоже были привилегией писательского начальства. Поэтому никто не желал расставаться с креслом. А вот самого Фадеева решили убрать, чтобы занять его место.

23 мая 1953 года Фадеев отправил подробное письмо Суркову, который вместо него руководил Союзом писателей:

«Дорогой Алексей Александрович!

Прошу извинения перед тобой и перед секретариатом в том, что я не смог ознакомиться с проектом организацион-

ной перестройки ССП и возвращаю пакет нераспечатанным. Я болен. Я болен не столько печенью, которая для врачей считается главной моей болезнью, сколько болен психически. Я совершенно пока что неработоспособен...»

Алексей Сурков перепечатал фадеевское письмо и немедленно переправил его секретарю ЦК Петру Поспелову с припиской: «Приношу глубокое извинение за дилетантскую машинопись. Снимал копию «в целях конспирации в аппарате» сам лично, а машинистка я не очень квалифицированная».

29 мая 1953 года руководители Союза писателей Сурков, Симонов и Тихонов отправили Никите Хрущеву послание, в котором резко возражали против фадеевских идей, его «неверной панической оценки состояния литературы и неполадок в руководстве ею»:

«Для нас ясно, что на характер и тон письма не могло не повлиять болезненное состояние, в котором находится в настоящее время А.А. Фадеев...

На протяжении последних трех лет, в силу своей все прогрессирующей болезни и по другим обстоятельствам,

А.А. Фадеев фактически отошел от повседневного руководства Союзом писателей, что создавало ненормальную обстановку...

Мы считаем, что в интересах самого А.А. Фадеева и для того, чтобы наконец наладилась нормальная работа Союза писателей, следует удовлетворить желание тов. Фадеева – работать только над своим романом и освободить его от обя-

занностей генерального секретаря Союза писателей».

Фадеев не ожидал этого от товарищей-писателей. Онто хотел, чтобы ему продлили отпуск, оставили при должности, но не заставляли приходить на работу. Но товарищи быстро уловили, что после смерти Сталина отношение к Фадееву изменилось, и спешили, устранив его, поделить власть.

Обращение писателей старший помощник Хрущева Григорий Трофимович Шуйский переправил секретарю ЦК Николаю Николаевичу Шаталину, отвечавшему за кадры. Тот прочитал и передал профильному секретарю – Петру Поспелову, догматику, сыгравшему ключевую роль в первом изгнании Александра Твардовского из журнала «Новый мир» в 1954 году.

30 мая Поспелов доложил Хрущеву:

«За последнее время в ЦК КПСС поступил ряд сигналов о неблагополучном положении в Союзе советских писателей СССР. Особую тревогу вызывает письмо генерального секретаря ССП СССР т. Фадеева А.А. к своему заместителю т. Суркову, оглашенное на заседании Секретариата Союза писателей».

В этом письме т. Фадеев А.А. панически преувеличивает отставание советской литературы, считая, что она за последние годы катастрофически катится вниз. В качестве меры преодоления этого отставания он предлагает освободить всех ведущих писателей от руководящей работы в ССП СССР, а также от других общественных поручений...

Панический и бесперспективный тон письма г. Фадеева А.А. может быть объяснен только его крайне тяжелым болезненным состоянием.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.